

Алла Эльч

КАРАНТИН

для

родственников

роман

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алла Эльч

Карантин для родственников

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Эльч А.

Карантин для родственников / А. Эльч — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

" Карантин для родственников" - роман о людях говорящих, но редко слышащих друг друга. Матери и дочери... Зятя и тещи... Поиск любви - уход от ненависти. Основное действующее лицо - писательница Елена увлекательным образом ищет ответ на вопрос, как выйти из затянувшегося конфликта. В помощь ей не только текущие события, но воспоминания прошлых жизней... Книгу отмечает предельная искренность повествования, где драматическое соседствует с комическим. Содержит нецензурную брань.

© Эльч А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Рабочие куски памяти иногда расфасовываются в ящики. В данном случае цвет ящиков варьировался от светлого до темно-янтарного. Удачлив тот день, когда воображение позволяло видеть их отчетливо. В такие дни Елене казалось, что она даже ощущает запах виртуального комода, напоминающий сандаловое дерево. Но главная фишка – каждый ящик имел перегородку, где левая часть представлялась больше правой. Именно она была рабочей – служила пристанищем для мыслей, приходящих на бегу. Конечно, не для всех, только о знаковых событиях жизни Елены. Эти мысли сами вызывали ящики родственной темы, ныряли в них, и – до лучших времен. Избавляясь от излишества быта, писательница тогда с азартом уходила в работу. Смутные видения озарялись светом интуиции. Вопрос: почему то или вот это случилось именно так, а не иначе, обростал плотью ответа. Интересный факт: чем интенсивнее велась работа в левом отсеке ящика, тем четче становились картинки в правой его части. Потрясающее зрелище – видеть некоторые зарисовки прошлых жизней, напрямую связанных с событиями нынешней жизни на Земле...

Ящики, работая по принципу «все свое носим в себе», были незаменимой находкой. Но в каком порядке представить накопленный материал, где место первому ящику или тридцать пятому, Елена еще не знала. Будучи всегда под рукой, виртуальный комод укреплял память. Являясь то записной книжкой, то рабочей тетрадью, он становился черновиком будущей повести, или, если повезет, романа.

Часть первая

Помня, как отец твердил еще с вечера: «Смотри, сама не вздумай! Подведешь всех под монастырь...», ключи от квартиры Ника отдала через охранника. Оказаться в данный момент лицом к лицу со свекром, бывшим фээсбэшником, владельцем частных охранных предприятий, – стать мартышкой в животе удава. Когда-то поджарый, сейчас располневший, но до сих пор несловоохотливый, Анатолий Дмитриевич своим рентгеноскопическим взглядом походил на детектор лжи. А в этот день на противостояние попросту не было сил. Бессонная ночь: поспешный сбор вещей (к восьми утра ждали контейнер). Каждый раз, замирая от шумно движущегося лифта, прислушиваясь к звукам на лестничной клетке, Ника опасалась: не дай бог явятся Роговцевы, тогда туши свет! Андрей уже три дня не просыхал. То кричал в телефонную трубку: «Ты мне жизнь искалечила... из-за тебя, сука, пью!», то слал одну за другой эсэмэски – любовные стихи, написанные в пылу угара. Свекровь вещи начнет делить: крик пойдет с руганью. А здесь Олечка, Данилка, родители...

Отдав ключи, выбежав из офиса, она рванула к остановке. Резкий звук мобильного – свекор. Отключила и – в первый попавшийся автобус.

В этом городе Ника жила всего пару месяцев. Пока дошло, что села не в ту маршрутку, с остановки на остановку... – время, время! А еще дождь вперемешку со снегом. Ветер апрельский, но как будто февраль. Весна малокровная выдалась. Подняв ворот пальто, сумкой прикрывая грудь, распирающую от молока (пора кормить Данилку), она битый час плутала по какому-то микрорайону в надежде найти нужное агентство. Промокнув под дождем, наследив в приемной, на вежливо-холодное «слушаю вас» села на стул. И прорвало: слезы, рыданье через спазм горла. Глотая воду, кратко обрисовала главное. Дети – четырехлетняя Ольга и месячный Даниил. Ушла от мужа – пил. Приехали мама с папой помочь с переездом. Билеты взяли на

завтра. Нужно получить послеродовые деньги. Помогите, Христа ради!.. Деньги выдали без проволочек.

Анатолий Дмитриевич крутил на пальце переданную связку ключей. Негодование: «Ах ты, Вероника, ну ты дрянь вероломная, раньше все: папа, папа... а тут ключи подбросила, струсила...» сменилось болью понимания. В висках застучало: «Все, Андрюха, сынок единственный, сукин сын – допрыгался! Бросила-таки тебя жена, детей забрала. Ну, Андрей-Андрюня, толку, что два высших образования: политолог и юрист. Не зря тебя Елена назвала трепачом в законе. Ну, сватья... писательница, чертова баба. А ведь я, сам дурак, вызвал ее. Думал, придет – поможет. Помогла... Ну, сынок, говнюк. Говорил тебе: потерпи недельку-другую, пока теща с тестем в гостях. Уедут, все устаканится. Никуда Ника теперь уже с двумя детьми не денется! Вы что, первый раз собачитесь?! Да за эти пять лет раз десять разбегались. И ничего – я разруливал. Закидоны ваши утрясал. Я для вас – все! Две фирмы раскрутил. Покоя ни днем, ни ночью. В город перевез, квартиру за три лимона – пожалуйста. Живите, детей растите! Иномарку? Нет проблем! Жратва... шмотки... ни в чем не нуждались! Все для вас!.. А вы – уроды!»

Проглотив таблетку, он ослабил ворот рубахи. Но мысли напирали: «Олечку черта с два теперь увидишь! Внушенька, подсолнушек, воробушек...» С фотографии на рабочем столе смотрели большие зеленоватые глаза в длиннющих ресницах.

О Данилке, родившемся месяц назад, Роговцев сейчас не вспоминал. Видел внука пару раз, на руки не брал. Может, имя это... ведь уверен был, что в честь его, Анатолия Дмитриевича, назовут. Впрочем, дело не в имени. Хоть убейте, не понимал, а потому, несколько раз срываясь, в сердцах бросал беременной снохе: «Зачем второго-то рожать?! Живете, как кошка с собакой. Скандал на скандале!..» Не понимал. Губы на полноватом лице скривились, жесткая линия выдала потаенную мысль: видать, права была Галина, люто невзлюбившая Веронику. Не о такой снохе мечтала: «... мерзавка! Вошла с голой задницей в порядочную семью, а корчит из себя... Подумаешь, университет! Сейчас юристов развелось – как собак бездомных...» Вспомнил Роговцев, как три года назад подбивала жена через старые связи в ФСБ упрятать сноху в психушку, а внучку Олю забрать к себе...

Галина Филипповна без стука, прихрамывая на левую ногу, вошла в кабинет. Через толстые стекла очков встревоженно потянулась к мужу:

– Зачем вызывал?

– На, стерва, держи! – он швырнул через весь стол ключи. Издав глухой звук, они упали на пол. – Что? Добилась своего: Ника с детьми и с родителями – тю-тю, сбежала!

– Толя! Толя, успокойся, твое давление... ты, как рак, красный...

«Да тебе хоть платиновая. Ни одну Андрюхину девку ты, Галка, привечать не станешь. У этой нос курнос, у той попа с кулачок, или у родителей ни шиша...» – еще лет пять до женитьбы сына сказал Роговцев. Как отрезал.

Андрей, высокий, в отца плечистый, с цветом глаз выцветшего неба, страдал влюбчивостью. Если прикипал, то, казалось, с потрохами. Лев по знаку зодиака, рожденный в Год кролика, он был щедр, настойчив. Душа компании, мог жениться не один раз. Но мать, как сторожевой пес, всем его подругам учиняла от ворот поворот. Сынок, в качестве протеста, стал зависать в ночных клубах. Завел подружку с исколотыми венами. Дальше – глубже. Драка

с однокурсником. За привод в милицию младшего Роговцева могли отчислить из университета (карьера политолога полетела бы под хвост...). Вмешался Роговцев-старший. Все утряс. Диплом Андрей получил. Но был выслан отцом из Новосибирска в районную Сосновку, к бабушке Клаве. Та пичкала своего Андрюничика пирожками да пирожными. Вечером отзванивалась дочери Галине, давая отчет, как у дитяти день прошел. И только когда баба Клава заголосила, что внучек каждый день полторашкой пива балуется, а ее посылает куда подальше, опять вмешался отец. В политологи просунуть сына не смог, но в сельхозколледж учителем истории – получилось. В этом колледже Андрей познакомился с Никой. Мать была далеко, бабушка подслеповата, потому и сладилось.

При первой встрече с Никой у Галины Филипповны заныл зуб: «Высокая. Смазливая. Волосы светло-каштановые ухоженные. Родинка как мушка над верхней губой. Фигуристая, ишь в брючках попа какая... Зубы белые, но щель впереди, пусть небольшая, все равно изъян. Подумаешь, в шахматы играет. Согласилась на ничью с Дмитриевичем. Кобель старый, специально маху дал. Мне, мол, эта зеленоглазая нравится. Андрюха, женись! Пора!..»

А когда выяснилась материальная сторона, от злости задергался глаз. Как-то Ника, уже родив Олечку, задала свекрови вопрос:

– За что вы меня так не любите?

– А за что тебя любить?! – брызгая слюной, Галина выплеснула накопившееся:

– Ты же к нам, в семью, обманом! Ты что о своей родне пела, а? Предприниматели! Мы-то думали: породнимся с приличными людьми. А на деле что?! Они, оказывается, предпринимают попытку выжить! Что взяли на базе, то и продали. Чаем да кофе торгуют! Предприниматели курам на смех. А мать твоя куда там – поэтесса! Книжки пишет, хоть бы одну продала, дарит всем. Мы в вашу семью все! А твои ни копейки! Нашли отговорку: еще есть сын, доучивать надо. Если б знала, что за родня, не допустила бы – костями легла! Да что теперь говорить...

– Ах ты, гадина, охмурила моего мальчика, втерлась в семью, а теперь так с нами поступать?! – Галина ехала в злополучную квартиру. Голова раскалывалась, холодели руки, вновь заныл зуб.

... – Мама! Она мне вчера по телефону сказала, что подумает и, может, простит! – Андрей метался по квартире. Заглядывал в опустевшую детскую: ни кроваток, ни шкафов. Взгляд скользил по совсем недавно наклеенным обоям. Со стен на Андрея смотрели смеющиеся буратины, озабоченные папы карлы.

– Говорила: у родителей нет денег. Я надеялся, да и отец говорил, что она в ту нищету больше не ткнется! Мать, да они вещи забрали, значит, насовсем?! Значит, не блефовала!

Присев на диван, он опять срывался с места, быстро мерил шагами зал, спальню. С недоумением глядел то на огромную кровать с голым матрасом, то на окно, с которого сняли шторы. Света в комнате теперь хоть отбавляй...

Однако для полноты повествования вернемся в раннее утро этого же дня.

Едва начало светать, Ника вызвала такси. Данька крепко спал в переносном коробе. На удивление тихо дала себя одеть заспанная Оля.

– Мам, как приедешь, сразу отзовишься. Так, что еще?.. В этой сумке памперсы, ползунки, в этой – детское питание. Присядем на дорогу. Ну, с богом. – От бессонной ночи Нику шатало.

Таксист, на вид кавказец, лет тридцати, вез Елену с детьми, но как-то странно. Оговоренные двадцать минут растянулись до сорока. Позже выяснилось: была необходимость объезда (ремонт дороги). Но в тот момент волнение, отягощенное страхом, рисовало в голове женщины черт знает что. Водитель, спиной почувствовав напряжение пассажирки, поинтересовался, мол, зачем так рано, да еще с детьми. Олька, все время молчавшая, вдруг вмешалась: «А я не дочка – я внучка!» Таксист зацокал языком: «Какая молодая бабушка! Такую бабушку можно еще и...» На лбу женщины выступила испарина. Вскоре они подъехали к частному дому. Николай Федорович уже стоял у ворот: «Ну, слава богу...»

Дом, крайний на этой извилистой улице, возвышался на пригорке. С левой стороны, если спуститься вниз метров двести, шумела остатками льда река. За рекой в томлении по весеннему обновлению редел лес.

– Олечка, чего боишься? Это дядя Коля, он тебе игрушки покупал! Давай, заходи в дом, смотри, какой котенок... – Елена заносила сумки. Опустив голову, упрямо не желая переступить порог, Оля стояла на крыльце.

Хозяева спешили на работу:

– Лена, еда в холодильнике, молоко на столе, если что – звони. Да не трясись, не волнуйся, все обойдется...

Данька, привыкший к маминой груди, не сразу приложился к бутылочке с молочной смесью. Но насытившись, улыбался в своих младенческих сновидениях. Олечка играла с котенком. Елена отзвонилась Нике: «Доехали, нормально». Теперь – ждать. Даст бог, с контейнером проблем не будет. Матерь божья, помогай! Чтоб без шума и пыли...

Вечером, часам к восьми, истопили баню. Хозяин дома постарался: веники березовые, дубовые; дал хвойный настой брызгать на камни. Распаренные, помолодевшие, отпустившие свои страхи, сели за стол. Отварной картофель, огурчики, жареная рыба, в рюмках чуть-чуть кедровки.

– Господи, думала, сойду с ума. Страху натерпелась! Пока мама с детьми доехала, таксист – джигит, руки в наколках... А когда вещи с квартиры выносили... Папа, какой ты молодец! Ребята-грузчики быстро, слаженно: раз-два – контейнер погрузили. Жуть, как боялась, нарисуетя Андрей с родней – все! Мордобой конкретный! Свекруха – бешеная. Вызвали бы полицию. Свекор на уши обычно всех ставит... – Ника потянулась к отцу:

– Пап, мне тоже немного плесни. Да помню я, что Даню кормить. Ну, ладно, ладно. А когда ключи от квартиры передавала, все поджилки тряслись, тошнить начало! Деньги выбивала с истерикой... Потом, представляете, села в такси, назвала адрес и отрубилась – уснула! Очнулась, когда шофер на ухо гаркнул: «Приехали!». Господи, неужели все позади?!

Телефонный звонок с заставкой песни: «Я люблю тебя жизнь...». Федорович кашлянул в трубку, пару минут слушал, изредка вставляя:

– Да, я слушаю, слушаю...

Вдруг коротко, неожиданно для присутствующих:

– Я не скрываю, они у меня.

Елена вскочила, замахала руками.

– Андрей, а кто тебе не дает? Приезжай. Но – утром. Все устали. Веронику? Нельзя, спит. Утром, все утром, – Николай Федорович залпом выпил стакан воды.

– Значит так, пробили они вас по своим каналам. Знают день, когда уезжаете, даже места в вагоне, – взъерошив волосы (обычное дело, когда нервничал), он осадил Елену взглядом, – не паникуй, все идет по плану. Илья, пошли, выйдем на воздух.

– Какой воздух? Рассказывай! – побледневшая Ника стояла в проеме двери.

– А что говорить, сначала свекровь твоя орала как дикая кошка, что в суд пойдет из-за вещей. Говорит, не развелись, а контейнер вывезли. Про какую-то шубу кричала. Потом Андрей выхватил трубку, давай милицией пугать. Мол, втихую не даст вывезти детей. Кажется, даже заплакал, прям всхлипывал. Говорит, дайте хоть с дочкой попрощаться. Я и сказал: пусть приезжает.

Часа в два ночи Елена встала в туалет, на кухне горел свет, дверь приоткрыта:

– Коля, не усложняй, не пойдут они на такое. Хотя... кто знает?... Роговцев в прошлом в госбезопасности...сейчас ЧОП держит...Согласен, могут... могут! Подойдет какой-нибудь «шкаф», Ольку в охапку да в машину. Ника тормознется, без дочки не уедет...

– Илья, я тебе потому и говорю: пусть эти раздолбаи ждут нас на перроне. А мы часа на два раньше пригородной электричкой проедем до другой станции. Сядем там, где не надо ждать никакой подляны. Как говорится, береженого бог бережет.

– Так, мужики, спать! Все разговоры – утром...

Из-за непривычно низких дверных проемов этого дома Андрей вошел сторбившись. От него веяло жаром: воспаленные глаза, отрывистая речь. Озираясь по сторонам, прошел в зал. Скользнул невидящим взглядом по дивану, где спал Данилка. Оля с радостным криком «Папа!» кинулась к нему, но тот отстранился: «Потом, Оля, потом...» Из небольшой комнаты выглянула Ника. Они уединились. Оля заплакала. Илья вывел ее на кухню: «Ой, смотри, у нас здесь котенок голодный, давай ему молока дадим...»

Елена присела на диван около спящего Дани. Молочный запах и – выбитость из колеи. В голове начали прокручиваться события трехнедельной давности.

Нет, она не вспоминала, как два дня с пересадками ехала в поезде, радовалась: наконец-то сложилась поездка. Появились какие-то деньги, чтоб явиться с подарками, устроить праздник. Бабушка приехала! Пирогоми в доме запахло. А главное, Вероника вот-вот второго родит, опять прокесарят. В первый раз с Олей помочь не удалось. Вроде рвалась поехать, но то свекровь в больницу положили, то отопление в квартире прорвало. Илья на вахте – пришлось самой крутиться. Вырваться не смогла. В этот же раз складывалось все по-людски.

Не вспоминалась сейчас и первая неделя после приезда. Что тут вспоминать: засучив рукава, давай мыть полы, варить борщи да каши. Дочь на сохранении, дней десять осталось до родов. В больницу сбегай, в магазин сходи. Детсад закрыли на карантин: дома внучка по пятам ходит, то почитай сказку, то гулять пошли. С непривычки под вечер Елена валилась с ног. Опять же Пасха на носу, куличи печь надо. Стол по-человечески накрыть. Сваты приедут. А зятек отпуск на работе взял да – на диван, к телевизору: щелк- щелк пультом. Ну, что такого она сказала? Звук сделать тише. Три раза пришлось повторить. Да чтоб с Олечкой пошел погулять. И началось... Память сейчас нарезала круги именно тех событий.

Ну, зятек: прыг-скок. С Еленой вежливо так: спасибо, Елена Львовна, пожалуйста, Елена Львовна. А придя к Нике в родильный дом, давай накручивать: мать твоя – то, мать твоя – се. Сил нет терпеть. Уйду жить к родителям. Дескать, права была мать, когда говорила: «Смотри, сынок, теща приедет – заключет...»

А Веронике бы чушь в голову не брать. Как положено беременным, с лицом просветленным ходить. Так нет. То по телефону, то глаза в глаза норовит мать отчитать прокурорским тоном: «Мама, так нельзя! Не дави на Андрюшу, не командуй! Должна понимать: мы привыкли жить сами, а тут ты...». И у матери в ответ начинали дрожать руки. Значит, с утра до ночи на ногах, и слова не скажи? Что она – домработница бессловесная?! А вы, молодые, уважить не можете?! Просто потерпеть, если даже что не так. Мать с двумя пересадками к вам ехала. Если фыркнули друг на друга, ей уйти некуда!

А тут еще случай: и смех и грех. Как-то после очередного наезда Андрея да телефонно-словесной перепалки с матерью у Ники качнуло давление. Напрягся живот. Андрюху в родильном доме отругали: как не явится – жена в расстройстве. Придя домой, включив в себе оратора (политолог!), он оторвался на теще:

– Да какая вы мать! Вероника всю жизнь от вас плачет! С дочерью не можете ладить! Вообще, как вам не стыдно?! Дочь замуж отдавали, даже приличного белья постельного не дали! Уехала от вас в каком-то затрапезном пальто. Одеть толком не могли! Ко мне все цепляеесь. Да вы в ноги должны кланяться моим родителям – трехкомнатную квартиру нам купили! А вы со своим мужем – правду отец говорит – себе на хвост наступаете. Ни заработать толком не умеете, ни жить, как надо. Сын ваш тоже, подумаешь, не курит, не пьет, в качалку ходит! Да! Я могу выпить! Нормальное дело, с устатку. А у нас – все! Пятница – питейный день. Отец мой, дядьки – все!.. Я знаю, это вы Нику настраиваете. Она мне: то нельзя, это нельзя. Завела моду – чуть выпил, сразу скандал! Уйти грозитяся!..

Елена, опешив, молчала, но только минуту. Забыв извлеченный из какой-то умной книги совет, что *если выходишь из себя, то первым делом не забудь закрыть рот*, выдержка ее дала трещину:

– Ты кто? Да ты никто. Маменькин сынок. Избалованный сопляк! Учился, значит, учился – два института! А толку?! Вы чего в Новосибирск перебрались? Ты в Сосновке ни на одной работе зацепиться не мог. Пять мест сменил! То тебе не это, то – не так! А где попросту за пьянку в шею гнали, по статье грозили уволить. Папа твой все утрясал! Да ты...

И еще продолжала бы хлестать словами, но в детской заплакала Оля. Андрей, сорвав плащ с вешалки, хлопнул дверью. Ночуя у приятелей, домой явился через пару дней. У Елены после того разговора все из рук валялось. Ночью не давала спать внучка: жаловалась на живот. (На прогулке, гуляя с отцом, слопала два пакета чипсов, сосиску в тесте, и целый стакан пепси-колы!) Спасались отваром ромашки. К утру полегчало.

День пролетел как обычно. Навещала в больнице дочь, про скандал ни слова. Вечером, часов в восемь, позвонил телефон. Женский голос попросил Андрея.

– Его нет.

– А вы, наверное, теща?

– Она самая.

– Понимаете, такое дело, стыдно говорить...

– Девушка, давайте по существу, у меня тут ребенок...

– Постараюсь. Понимаете, Андрей у нас ночевал. Я – Тоня, жена Петра, они учились вместе. Понимаете, все было нормально, стол накрыли, выпили. Зять ваш стихи свои стал читать. Потом его понесло, Петьку тоже – в караоке орали до одиннадцати. Выпивка кончилась, они кинулись за пивом. Я просила: не надо! У нас соседи такие. Короче, легли в третьем часу. Утром встали, а он нам... простите, весь диван обмочил!.. Если такое недержание, зачем по гостям с ночевкой ходить?! И, вообще, он такое про вас говорил! Язык не поворачивается.

– Ну, что говорил, наверное, стерва, змея. Какими эпитетами может зять по теще пройтись?..

– Да он матом на вас!

– Девушка, дорогая, мне все это...

– Простите, я про другое хотела! Что нам теперь делать с диваном? Нюхать?! В однокомнатной квартире живем. Мы его как человека – на диван. Сами на полу легли. Он утром извинялся, про химчистку говорил, клялся, обещал до обеда. Я с работы отпросилась, ждала, ждала. И – никого, а уже вечер. Что делать?!

– А я вам подскажу. Телефон родителей Андрея у вас есть? Записывайте... Так вот, Тонечка, позвоните отцу, ни в коем случае матери – та все скроет. Отцу! И слово в слово опишите. Еще, пожалуйста, очень прошу: как бы между прочим, спросите, почему их сын не идет к врачу. Он ведь дома тоже как выпьет пиво – через минут десять в туалет. Иногда не добежит – брюки мокрые. Все расскажите отцу! Мне неудобно об этом... Поверьте, вы себе поможете. Дело доброе сделаете. Удачи.

Вдруг женщина очнулась от своих воспоминаний. В комнате, где находились Ника с Андреем, послышались шум, детский плач. Дверь резко открылась. Дочь, выталкивая зятя, сверкая сухими от гнева глазами, кричала: «Вон! Пошел вон, скотина...» Тот, пытаясь объяснить, тянулся к дочери: «Олечка, прости, я не хотел. Но ты сама видишь, мы с мамой разговариваем, а ты лезешь к нам...» В этот момент, как бы требуя прекратить безобразие, заорал обкаканный голодный Данька.

На следующий день пошел дождь. Захватывая тротуары, потоки мутной воды неслись по разветвленным городским улицам. Перенасыщенное движение машин, вскрывая асфальтовые выбоины дорог, норовило с головой обдать брызгами неосторожных, впрочем, и осторожных пешеходов...

Боязнь пробок: на вокзал выехали за полтора часа. Доехали, на удивление, быстро. Состав подали по расписанию. Рассеялись прежние страхи: напряженная утомительность зала ожидания, болезненность прощания Андрея с Никой. Елена стояла недалеко, видела лицо дочери, усталое от недосыпания, от нежелания понимать остроту происходящего. Дескать, не я сама – это родители меня увозят. Изредка она вставляла какие-то слова, кивала головой в знак согласия. Андрей тогда пытался притянуть ее к себе. Ника, чувствуя пристальные взгляды отца, матери, отстранялась. От того, что уже ничего нельзя изменить, у нее подкашивались ноги.

Объявили посадку. Подхватив сумки, чемоданы, детей, направились к поезду.

– Елена Львовна, вы не думайте: мама с папой в машине остались. Они бы вышли вас проводить. Мед, что обещали, банку трехлитровую купили, я взять забыл... – голос зятя дрожал. Лицо, покрасневшее от слез, кривилось от усилия не плакать.

И опять он что-то говорил Нике, забегая вперед, пытался заглянуть в глаза. Та отводила взгляд, молча катила за собой чемодан.

Места в конце вагона. В купе уже сидели двое мужчин лет тридцати: на столе бутылка коньяка, нарезанный сервелат...

– О, а мы тут не одни! – Елена занесла короб с плачущим Даней. Олька, громко потребовала сесть непременно у окна. Ника, в затылок которой горячим шепотом дышал Андрей: «Вероника, останься! еще не поздно!..» Гора сумок... Лица сидящих в купе вытянулись, выдав мелькнувшую одну на двоих мысль: «Екарный бабай, хотел же самолетом».

Поезд, усталый от длительной стоянки, тронулся. Со скрипом, тяжело (так люди разминают затекшие ноги), но уже через минуту-другую повеселел – набирал скорость. Андрей пару

минут глядел в хвост уходящему составу, потом кинулся догонять тестя. Но тот с Федоровичем постарался затеряться среди людей в зале ожидания.

Через два дня Илья уехал на вахту, в Ноябрьск.

За окном вагона мелькали станции, похожие одна на другую. В купе все как-то утряслось. Попутчики отправились в вагон-ресторан, свои верхние полки занимали только ночью.

Женщины возились с детьми. Разговаривать не хотелось. Словесная выпотрошенность: обо всем вроде обговорено, но сплошная неясность, потемки.

Поезд въезжал в ночь. Темнота за окном изредка сменялась взрывом света и звуков от несущихся в такую же темноту других составов.

Ника, покормив сына, повернувшись лицом к стенке, спала. Успокоилась Оля. Целый час брыкалась, отвоевывая себе всю полку, упрямо бубнила: «Это моя кровать». Елена прилегла около уснувшей внучки. Мысли не отпускали: «Странное дело, ведь ехала к ним помочь. Помогла...»

Память высветила красное от возмущения лицо Роговцева-старшего: « Это ты во всем виновата! Спровоцировала! Я, дурак, еще просил, торопил, чтоб приехала, на помощь надеялся... Ты, сватья, провокатор!..»

Действительно, с приездом Елены за Андреем пошла, а вернее, погналась полоса неудач. Вроде неглупый, даже талантливый (некоторые его стихи брали за душу), он оказывался то лжецом, то трусом, то просто хамом. Речь не только о попытках столкнуть Веронику с матерью. Матрас, залитый мочой, скандал с родителями по этому поводу, многое по мелочам. Был вообще сногшибательный случай. Ника еще не родила, лежала в больнице. А тут день рождения Галины Филипповны. И сынок отколол номер собственной маме. Вечером звонит по телефону, что недалеко от дома на него напали какие-то люди. Говорит, вышел из машины, сделал пару шагов, вдруг его окружили трое, такие накачанные. Пригрозив ножом, повели в глубь парка. Но он молодец, врезав одному, другому – убежал. Его, правда, тоже смазали по щеке. И – досада: телефон, подарок отца стоимостью тридцать тысяч, обронил в драке. Родители, услышав такое, схватились за сердце. Отец сразу подумал о происках конкурентов по бизнесу. Мать билась в истерике, требовала приставить к сыну охрану, сменить детский сад для внучки. В общем, день рождения прошел – закачаешься.

Однако Елену что-то в этой истории смущало. Да, на щеке у зятя кровоподтек. Но плащ чистый, на подошве обуви не было земли. На следующий день, пригласив к завтраку, Елена завела разговор:

– Ты только, Андрюша, не кипятись, но думается мне, синяк ты получил в другом месте. Давай-ка я выдам свою версию. Да не горячись, разговор без свидетелей, пей чаек, бери блинчики. Так вот, после работы, выпив бутылку пива, ты заехал к Нике. Потом – домой, но пиво дало о себе знать. Не доехав до дома, остановился около ближайших гаражей. И – облегчился. А тут ребята местные, глядят: кто-то поливает их гаражи, гадит, понимаешь ли. Давай разбираться с тобой. Ты им с перепугу телефон дорогущий и отдал. Твое счастье, сынок, что выкрутился, удрал, одним синяком отделался. Что скажешь? Ну, Андрей, будь мужчиной. Давай – правду. Что молчишь? А знаешь, кто тебя выдал? Оля, дочка твоя. Я, как-то ее в поликлинику возила, такси брала. Так вот, проезжая мимо гаражей, внученька моя пальчиком показала: вот тут мы с папой гуляем, и папа пись-пись делает. Что молчишь?

– Все так, Елена Львовна, – зять с интересом посмотрел на тещу, – только в одном ошибка. Пиво я выпил после свидания с женой. А в остальном вы Штирлиц.

– Ну, блин, не пойму! Кто тебя за язык дергал? Кто заставил краски сгущать? Такой спектакль устроил. В день рождения своей матери!.. Нет, ты мне одно скажи: почему врешь? Почему боишься сказать правду?!

– Почему вру?.. Отец... он меня всю жизнь... – не хочу, чтоб презирал... Ну, это долго объяснять. Да не хочу я ничего объяснять! Но вы обещали – отцу ни звука!

Роговцев-старший о подноготной этого случая не узнал. Однако дочери Елена выложила все, не скупясь на комментарии. А та не нашла ничего лучшего, как сорваться на мужа. И вечная тема: в старинных романах сказали бы, что подводная часть айсберга отношений тещи и зятя еще более утяжелялась неприязненностью, презрением друг к другу. Современная литература говорит проще: теща и зять достали друг друга, ну полный пипец.

Примирение было однократным. В день появления на свет Данилки все целовались, обнимались. С цветами стояли под окнами роддома. Беготня по магазинам: кровать, коляска, распашонки. Все как у людей. А когда Нику с малышом забрали домой, Андрей упросил отца нанять домработницу, только чтоб теща убралась восвояси. Но тут сюрприз преподнес тесть. Нежданно-негаданно явился Илья: «Недельку-другую побуду, а потом сразу на вахту». И пошло – поехало. Андрей в яростном желании насолить теще ринулся в атаку. Плевать он хотел на ее до жути надоевшее: «Андрюша, тебе уже хватит! Выпил более чем достаточно!» Буквально затащил отца Ники поздним вечером на скамейку в сквер около дома. Поговорить по-мужски на тему, какой страшный человек его жена. Прикончив захваченную с собой бутылку пива, он округлил глаза:

– Илья Петрович! Как вы можете так жить? Вами манипулируют! Да кто хозяин в доме?! Да по столу кулаком – раз и все! Вон, мой отец давно мать поставил на место. Ее дело кухня, постирать, убрать! Нет, я, конечно, не дурак, понимаю: Елена Львовна – личность творческая. Книжки пишет, стихи. Я сам – поэт! Но она же танк! В чужом монастыре как слон в посудной лавке. А как с Вероникой обошлась?! Та в положении, а она, мать называется! Ругала за то, за се. До сих пор воспитывает, как будто Нике десять лет! Представляете, говорит, надо выбросить микроволновку. Весь мир пользуется!.. А еще – помидоры импортные в супермаркете опасно покупать! Скрещены с геном жабы иль каракатицы. Всякую чушь несет про то, что у детей наших от такой еды могут быть генетические завихрения. Или вообще не быть потомства. Нет, представляете, чипсы нельзя, пепси-колу!.. А я – что? Жену защищал! А Елена Львовна ваша... она мне такого наговорила!.. Я... ее, честно вам говорю, боюсь...

– Я тоже, сынок, ее побаиваюсь, – усмехнулся Илья Петрович, – ну все, пошли домой. Давай утром, на свежую голову...

Но смехом дело не обошлось. Во втором часу ночи Елена услышала какой-то шум. Приоткрыла детскую. Оля спала, чуть посапывая носом. А из спальни Ники с Андреем послышались всхлипы. Сделав пару шагов, втянула в себя воздух – запах табака. «Ну, мерзавцы, а не дети! С вами ведь Данька...» – уже хотела открыть дверь, но рука мужа помешала. Ухо обдало горячим шепотом:

– Не вмешивайся, пусть сами... не заводи скандал. Идем спать, все разборки завтра...

Утром был забит последний гвоздь: Ника, с синяком под глазом решила уйти от Андрея.

«Тебя замуж силком выдавали?– Елена, сидя на балконе с сигаретой в руках, мысленно разговаривала с дочерью:

– Как человека просили, не спеши! Ведь был горький опыт, вспомни первый аборт! И дело не в том, что родители того парня – алкоголики. Что ты не только на каблуках на полголовы выше. У тебя учеба в университете, а у него курсы шофера. Как же – любовь! А как он с тобой потом поступил?! Когда отслужил, пришел из Чечни – живой! Если у вас была любовь, разве послушался бы своих сестер: «Ринат, на кой ляд тебе эта дылда? Уж если жениться, то бери свою, татарку! Вон Венерка по тебе сохнет. Ее отец дом пообещал вам выстроить...». Что? Наигрался, и привет! Вспомни, сколько слез пролили с твоей беременностью. Грех на душу взяли, когда ты выскребалась – убила ребенка...

А сейчас, извини, замужем пятый год. Двое детей! Квартира – хоромы! Мы с отцом начинали с комнаты в общежитии. А вам все на блюдечке с золотой каемочкой. Две машины в гараже. Свекор с деньгами. Свекровь – стерва? Так не под одной крышей живете. Муж выпивает? Болезнь, лечиться надо. Борись! Что плачешь?! Говоришь, Андрей всю ночь спать не давал. Две пустых полторашки пива под кроватью. Табачный дым пускал на грудное дите. Обмочил постель, на балкон выбросила скомканное – воняет. Говоришь, перед тем как уснуть, сказал: уедут родители, ночевать будешь у канализационного люка. Мол, пить ему или не пить, не твое собачье дело?..

Что теперь плакать? Раньше бы мозги включала... А теперь – вышла замуж – тяни свою ляжку...»

Эти мысли ошалело пронеслись в голове Елены. Закрыв за собой дверь прокуренного балкона, войдя в кухню, она на Никино измученное, бессонное: «Мама, Христа ради, забери меня, отдохну!..», задержала дыхание и с легкостью единственного варианта выдала: «Все, дочка, едем домой. Пора положить конец дурдому. Отец! Подъем! Сегодня общесемейное собрание. Нет, не совет! Хорош из пустого в порожнее. Я звоню Роговцевым. Ставим перед фактом: Нику с детьми забираем! Андрея не будить, чтоб не смылся куда. Пусть родители полюбуются...»

Роговцевы приехали через сорок минут. Раздеваясь в прихожей, Анатолий не скрыл раздражения: «Мы с женой уже привыкли, а вы все колготитесь...» Затем заглянул в детскую. Ника, сидя лицом к окну, кормила Даню. Олечка, отбросив игрушки, подбежала, протянула руки. Рассеянно погладил по голове: «Ну, ну, играй, играй...» Потирая рукой левую сторону груди, направился в спальню. Открыл дверь, в нос ударил спертый воздух. Сын спал, раскинув руки и ноги на всю кровать. Пухлые чувственные губы его, расплываясь в улыбке, кривились, обнажая ряд ровных желтоватых зубов.

Галина, потирая влажные ладони, сидела в зале на диване. Роговцев-старший с чашкой крепкого кофе – в кресле. Илья Петрович, сцепивший пальцы в замок, Елена, поглаживающая сустав колена – на стульях. Вероника, скрестив руки на груди, стояла у окна. Вошел Андрей – умытый, побритый, в глазах веселая решимость (не впервой, пробьемся!). Театрально развел руками: какое собрание! Подмигнув матери, громко, риторически начал:

– И что теперь?! Вот эта женщина, – указательным пальцем ткнул в сторону Ники, – надеется, что я буду с ней жить?! После того, как вынесла сор из избы?! Устроила тут разборки! – Андрей входил в кураж. Но Елена, стукнув кулаком по своей коленке, обломала малину:

– Ты, зять – ни дать ни взять, молчи! Вероника, говори.

– Мама, ты спишь? – голос Ники уставший, тревожный. За окном поезда светало.

С утра, почти до обеда, Елена стояла стражем у дверей в туалет (около туалета – курилка). Ко всем пассажирам, проходящим мимо, обращалась с пламенной речью:

– Люди добрые, не курите здесь! В нашем купе дети малые. Мальчишке месяц лишь от роду! Если вам так невтерпеж – идите в тамбур следующего вагона и дымите, сколько хотите. Вагон попался сочувствующий.

Покачивание поезда, спертость воздуха купе – идеальное снотворное. Маму и детей свалило с ног. Вероника отрешенно смотрела в окно. В голове крутилось прощание с мужем. Влажное прикосновение его горячих губ к ее рукам – поцелуй со слезами. Заплаканное лицо, щенячья преданность покрасневших глаз – таким Ника видела Андрея впервые. Горячий шепот в ухо: «... поверь мне. Одно, только, одно твое слово – жизнь в дальнейшем будет чудесной. Никто никогда тебе слова дурного не скажет!..» Напоминал об отце: « Ты для него как дочь. Каково теперь ему – сноха ушла – позор!» И опять Андрей переходил на себя, божился: «Больше ни глотка! Пить, курить – завязал! Только останься, не уезжай!» На его чувственно-откровенное: «Вспомни, Ника! как мы...» в низу живота становилось предательски тепло, влажно...

И она, если бы не этот поезд, ее родители, окажись где-нибудь с мужем один на один, ясное дело – осталась... Но колесо вертелось, а потому лучше не думать. Ибо страшно думать: что там, впереди, если здесь, в настоящем, земля безжалостно уходила из-под ног.

– Дочка, очнись! Пора Даню кормить.

Данька спасительным образом разгружал мать. Строго по времени с завидной жадностью опустошал груди от молока. А главное, на время кормления заставлял забывать все тревоги. Мол, умиляться, целуя пальчики ручек, ножек – это пожалуйста! А все дурные мысли, мама, выкинь из головы. Отдыхай, мамочка, около меня, набирайся сил...

– Измоталась ты, доня... бледная, вокруг губ желтизна, опять же полнота нездоровая...

– Да ты, мама, на себя погляди, кило двадцать, наверное, прибавила.

– Ой, когда на нервах – рот не закрывается, жую и жую.

– Ничего, мам, приедем домой, сразу в баньку. Гулять с детворой на воздухе. Мама, ну чего ты плачешь? Мам, ну не надо плакать...

Скорый поезд вновь врезался в ночь, ветреную, дождливую. Ника, уложив детей, спала. Елена грелась чаем, вспоминала... парк (там, в городе, где жила дочь). Место удивительное: деревья-великаны, в основном реликтовые пихты, сосны. А солнце! Бог ты наш, сколько солнца было в тот день! Глаза невольно слезились. Илья узнал – в парке открылся планетарий. (У себя дома, на балконе, он установил подзорную трубу с мощными линзами. Урезая сон, иногда часами любовался звездным небом...)

Около планетария, в кустах можжевельника, увидели лавочку. Рядом, протяни руку, пара высокорослых пихт, прогретых солнцем. Запах чудесный. Илья, словно ребенок, восторженно требовал от жены обнять янтарный ствол дерева, подпитаться от космоса...

На экскурсию в планетарий Елена не пошла. Подставляя лицо солнцу, вспоминала море... Крым... горячий песок пляжа небольшого городка Черноморское...

После прогулки по парку они заглянули в ближайший ресторанчик. Пили красное вино, ели отбивной рюлет из курицы с миндалем, свежайшие эклеры. Затем, спускаясь к речному

вокзалу, прошлись по проспекту Мира, пестревшему рекламой. В одном из магазинов, неизменно ярких, нарядных, Илья купил нефритовые серьги (давняя мечта Елены). Предлагал ей, раскрасневшейся помолодевшей, уехать на теплоходе в какое-то (вычитал в расписании вокзала) местечко с живописным названием Рассказиха. Переночевать в гостинице или у кого-нибудь снять комнату.

Лена заливисто смеялась: «Илюша, ты сошел с ума...»

В Рассказиху они, конечно, не поехали. Ника замучила звонками: «Пап, мам, когда уже вы домой! Мы с Андрюхой уйти хотим на часок...» Но, возвращаясь, около автобусной остановки увидели двухэтажное здание со старинной лепниной. Неприметная вывеска музея. Хотя ноги гудели от усталости, зашли. И там, среди комнат со всякой старинной утварью, бубнами шаманов, картами путешественников, по которым глаза лишь скользили, увидели нечто, их потрясшее. На втором этаже, в небольшой комнатушке, стояли семь иконописных фресок, каждая в человеческий рост. Краски тусклые, иконы старые. Семь мужских ликов, каких-то старцев, в чьих глазах, если долго смотреть, была такая глубь... Елена особенно не могла отвести глаз от пятого в ряду лика; стояла и плакала, просила счастья для своей Ники.

Поезд рассекал ночь. В купе на столике в тусклом свете ночника серебром поблескивал подстаканник. Веки стали тяжелыми, в дреме она вдруг явственно увидела лицо того старца с иконы. Он улыбался, странно... лик его внезапно сменился младенческим лицом Дани... Елена ушла в сон.

Дорога с пересадками, куча багажа. Оля, за которой глаз да глаз. Ника, толку-то, что мама двоих детей: чуть что не так скажи – глаза на мокром месте. Как тут не взмолить: «Господи, помоги!...» Спасибо ребятам из соседнего купе. Подхватив сумки, чемоданы, подняли Елену с детьми в зал ожидания.

Казалось бы, чего проще: сиди, жди своего поезда. А тут на тебе – переход на новое время. Табло движения поездов бежит нескончаемой дорожкой с одной пояснительной надписью: извините за временное неудобство, на все вопросы ответы в справочном бюро. А там очередь змеей длиннющей, выстоишь – упруешься в сухие два слова: «Ждите, объявят».

От нервного напряжения у Елены случился синдром глухоты. Илья звонит по сотовому – не слышит; люди вокруг шепотом говорят. Дурно стало до тошноты.

– Мам, ты чего? На воды попей, – в глазах Ники испуг, слезы просохли. – Олька! Сиди около бабушки! Я сейчас схожу, узнаю...

– Женщина, да не волнуйтесь вы так, – седой худощавый мужчина, часа три сидевший с двумя подростками на скамье напротив, присел рядом. – Вы в Самару едете? Так уже идет посадка. Видите, над лестницей табло: второй путь, третья платформа. Конечно, конечно, поможем.

Кто сумки, кто чемоданы; Оля без обычного нытья сама тащила какой-то пакет. Скорее вниз по лестнице. Несколько глотков относительно свежего воздуха – от глухоты не осталось следа. На ходу Елена цепко прошла взглядом: все на месте. Пятый плацкартный вагон, почему-то в конце поезда.

Еще в тамбуре резкий запах пива, сушеной рыбы, подвыпивший проводник. Пробрались в середину; два нижних боковых места. На одну полку сгрузили вещи, на другую присели перевести дух. Даня, просыпаясь, кряхтел, требуя мамкину грудь. А у Елены с Никой вытянулись

лица. Напротив – мужики, человек десять. Плотно облепили стол: открытые консервы, сало, соленые огурцы, гора шелухи от воблы, полуторные бутылки пива.

– Ой, какая девочка, хочешь, дядя конфетку даст, – широкая улыбка на щетинистом лице. Олька прижалась к матери, заорал голодный Данилка. Для Елены знак – пора в атаку!

Рассмотрев среди мужчин двух молодых солдатиков, она легко отыскала в вагоне их командира. От возмущения повысила голос:

– Сидите, значит, в карты играете! А солдаты с мужиками пиво пьют, развели свинство! Давайте меняться местами: мы сюда, вы туда. Ну, войдите в наше положение: двое детишек, а там такая вонь.

Лейтенант попался тщедушный, меняться отказался, но солдат приструнил. Оторвавшись от консервов и пива, те шмыгнули по своим местам.

Мужики выкатили глаза:

– Ты че, мать, шумишь? Мы с вахты, понимаешь, два месяца в отрыве – домой чешем... Ты, вообще, че хочешь? Обоснуй.

... – Ну, так бы сразу... Раз муж вахтовик – какие дела! Понятно, дети грудные, о чем речь? Мать, выбирай любые места!

И вот уже кто-то кого-то стаскивал с полок, безропотно освобождались два нижних и два верхних места. Женщины, отгородившись от прохода простыней, вытаскивали из сумок провизию. На вопрос: «Девчата, помощь нужна?» улыбались вымученной улыбкой. Чья-то рука передавала цветные карандаши, альбом с раскрасками для Оли. Кто-то пытался напроситься в гости с куском сала:

– Та це ж з Украины, от кумы...

– Да шо ты пристал к ним со своим салом? Девчата, пива хотите? «Жигулевское»...

Сытые, подмытые внуки; копченая курица с пивом... и – спать! спать!

Часть вторая

Середина декабря. Луна – переполненная чаша...

К вечеру окна всех девятиэтажек микрорайона заливались электрическим светом. В большинстве подъездов, перебивая плохую уборку лестничных пролетов, плыли запахи пищи. Тяжелые – жареной говядины или баранины... норовили уйти к нижним этажам. Легкие запахи выпечки, блинчиков гуляли в средней части, не отходя далеко от своих квартир. На верхних этажах людской пищей особо не пахло, если только упущенное молоко.

Илья два дня назад вернулся с вахты. Сходив в булочную за хлебом и поднимаясь на шестой этаж, он чертыхнулся из-за сломанного лифта. Еще винный запах от разбитой бутылки около мусоропровода. Насвинячили на втором этаже, а достается всей девятиэтажке. Зайдя в квартиру, опешил – дома тоже не слава богу...

Легче всего списать неурядицы на полнолуние. За сутки до него у Елены давление скакало. Боль головная – мысли (заразы) бросили якорь в прошлом, пригвоздили... спасу нет. Всю ночь с боку на бок – бессонница жуткая. Следующий день вразвалку прошел. А занимаясь ужином, разделывая рыбу – резанула ножом по пальцу. Ярко-красная дорожка залила ладонь, закапала на пол. Как назло, куда-то делась аптечка. Случайно в ванной нашла флакон перекиси. Остановившая кровь, разревелась:

– Бог ты мой, отчего у Ники такая жизнь?! На те же грабли, уже не пяткой – задницей! Ну, Анатолий Дмитриевич, сволочь, опять обманул! Как сладко пел по телефону: «Лена, пусть Вероника вернется, надо дать шанс. Дети без отца – преступление. Жить будут на новом месте. Андрея устроил в район, старых друзей привлек: выбил должность в прокуратуре. Квартиру

дадут...» Ну и что?! Все – ложь! Как жили – так и живут... Теперь еще любовника завела. Господи, если Роговцевы узнают – башку свернут! Сколько говорилось: «Где живешь, гадить нельзя!»

– Это что за монолог, сама с собой, – Илья зашел в кухню. – Ой, а кровящи... Ты что тут, Ленка, дурную кровь пускала? А с рыбой что? Я, так понимаю, ужин накрылся? Так... на тебе для успокоения рюмку хереса. Не дрейфь, сейчас я влет.

Через десять минут на сковороде шипело масло, жарились куски судака.

Елену после двух рюмок (херес, однако, не слабо берет...) развезло:

– Нет, ты мне скажи, почему дочь наша с рождения родителей ни в грош. Предательница! Помнишь, как она божилась: «Все, мама папа, клянусь – к Андрею не вернусь!» Мы такое пережили... столько нервов, лет на десять постарели. Ну ладно, вернулась ты к мужу. Так работай над ошибками, живи по-человечески! Ан нет, как будто чертенок в нее вселился. Всю жизнь она так! Помнишь, ей года три было, чуть с балкона не сиганула – ты ее за ногу поймал...

– Ленка, ты закусывай. Успокойся, чего уж теперь...

– Дай мне выговориться! Ты дома всего пару недель и – на вахту. Месяцами не вижу! Да если бы раньше дочь в ежовых рукавицах держал, мы бы в такой заднице не были!..

А мать твоя! Да она Нике с детства все разрешала – первая внучка! Помню, икру красную с пяти бутербродов сняла, на один кусок хлеба намазала, чтоб повкусней да пожирней внученька лопала. И слова не скажи, как же – свекровь! А я, дура молодая, мне бы вмешаться... а теперь вот разгребай завалы. Да ешь ты эту жареную рыбу сам! Я заливную хотела. Помнишь, как в той песне: «Свари, кума, судака, чтобы юшка была!..»

– Э, мать, да ты надралась. Быстро съешь бутерброд: масло, сыр; возьми шпротину. Вот, умница. – Илья открыл бутылку минеральной, налил в стакан.

Выпив воду залпом, пару раз икнув, Елена продолжила:

– Ну, Ника, ну дочь досталась... Помнишь, в тот раз стоило нам с тобой уехать всего на пару недель в Крым, и на тебе – снюхались! Ключнула на эсэмэски: «Никуся! Любовь моя...» Все забыла! Как пил, как бил. Приезжай, Андрюшенька, родная душенька, попробуем снова жизнь наладить. А он тут как тут – слезы... мимозы. На работу в Волжском устроюсь. Ага, сейчас у нас в райцентре в политологах нужда! Спец по трепу. Да ты, Илья, не уходи! Послушай, я тебе расскажу, как они тут первый раз встретились. Я зятю сразу к нам в дом не разрешила. Они гостиницу сняли. А перед этим ты бы видел, как Ника себя в грудь кулаком била. Синяк был! Кричала мне: «Опять лезете в мою жизнь!» И я вазу хрустальную с серебром, что нам на свадьбу еще дарили, разбила. Все, говорю, гляди: вот как ваза вдребезги, так я тебе – все. Пуповину отрезала! Теперь сама живи, как хочешь! Да не надо мне воды! Завари чаю.

Елена размазывала по щекам слезы, потекшую тушь для ресниц. Внезапная резь (ой, в глаза попало!..) заставила умыться. Через минут пять, дуя на горячий чай, она по-детски всхлипывала. Хмель постепенно улетучивался. Промытые холодной водой глаза потеплели:

– Да жаль, жаль их всех... Андрюха, когда вошел, увидел Даню и в слезы. Уезжали, тому месяц всего, комочек, а тут хрюндель шестимесячный, розовощекий. А Олюшка, слов нет, от отца ни на шаг. Заглядывает в глаза: «Бабушка, папа с нами будет? Всегда? Да?». Господи, да что я враг? Конечно, живите. Квартиру сняли. Андрей меня, представляешь, мамой пару раз назвал. А Ника на глазах похорошела. Блузку мою, кружевную, забрала. Дурочка. Говорит: «Мама! Ты бы видела, как он на меня смотрит, мам, я с ним как первый раз...» Нет, конечно, если бы он здесь работу нашел, жили бы. Сад детский под боком, школа. Но работы-то нет. Что он слесарем куда пойдет – в ученики? Я Роговцеву только заикнулась, давай мол, сын твой на бирже труда переучится на что толковое. Куда там! Столько спеси. Из грязи в князи... Вот гад, всех обманул: «...сыну работу нашел престижную! В горном Алтае жить будут: природа там – красота...» Сволочь.

Среди страниц записной книжки Ника хранила черно-белую картинку рекламного объявления «...уютное место, оплата почасовая...» Окна той комнаты выходили на север. Протекший в левом углу потолок. На стенах старые обои. Стол, телевизор, широкая кровать.

– Вероника, сайт знакомств – такая отдушина! У тебя что?– Люсьена, секретарь суда, (тридцатипятилетняя, дважды замужем) подняла брови.

– С твоим-то мужем придурком еще нет своей страницы?! Исправим!

В графе «О себе» Ника вначале написала: «Я не для всех». Позже стало стыдно, но ненадолго, ибо появилось: «Маргарита ищет Мастера, штукатурам и малярам не беспокоиться». В ее виртуальную дверь стучались, лезли с вопросом: «Где фото?» Фотографию не помещала. Как-то днем задремала, приснился Булгаков, грозящий пальцем. «Маргариту с Мастером» убрала. К вечеру в голову пришло: «Луна в тумане».

Он зашел на ее почту к обеду следующего дня: «Туманная ты наша, покажи личико». Через три дня новая попытка: «Ты что? Недоступная, как камень, холодная, как лед?». Она: «Мимо!». Он: «Я еще не целился». Ее фото подстегнуло, колесо завертелось:

– Слушай, а ты – красавица, нет слов!

– Люблю молчаливых мужчин. Мой муж на политолога выучился – рот не закрывается...

– У меня с женой тоже, говорить не о чем...

Через неделю Нику с подозрением на внематочную беременность увезли на скорой помощи. В сумку с зубной щеткой, халатом положила ноутбук. Он приехал к ней в больницу с веткой белой орхидеи и пакетом розового зефира. Первый раз поцеловались в отдельной кабинке кафе «Вечера на хуторе». Под сладкую «Тамянку» весь вечер изливали душу на предмет бардака в семьях. Говорили, что сыты по горло. Тоскуя по жару новизны ощущения, тянулись друг к другу. А потом была комната «...уютное место, оплата почасовая...». Предательский блеск глаз, припухлость зацелованных губ, уход из дома под любым предлогом. Любовь крутили в гостинице, в машине, иногда рыжеволосая Люсьена на пару часов давала ключи от квартиры. После – возвращались: он к жене с тещей, она – к мужу, детям. И притупляя стыд, появился иммунитет на скандалы. Андрей запил? Да, что он раньше не пил?! Нашел причину, с работы уволили. В первый раз что ли? Да его трудовую книжку полистать – рябит в глазах. Дура! Поверила, вернулась в Новосибирск. Ключнула на сладкую наживку:

– Ника, все будет иначе! Ты, дети – главнее нет! За работу держаться буду, от отца – ни копейки! Сами будем жизнь строить!..

Продержались всего-то полгода. А там Роговцев старший подложил сыну свинью. Возвращался старый ловелас от любовницы, его пьяного ограбили, чуть не прибили до смерти. Галина кинулась к сыну: «Андрюша! Папа пропал, ищи – ты знаешь где!...»

Сын, обзванивая знакомых, мотался по городу. Нашел полуживого родителя в квартире очередной пассии. Скорей в больницу, под капельницу. А через три дня (мать намекнула, что у Ники с кем-то шуры-муры) – сам напился до поросычьего визга в каком-то баре; приставал к девчонке, у той дружок – бывший десантник. Выплюнул Андрюха зубы передние. Трещина переносицы, нос в гипсе. Любуйся, жена. Все пошло по-старому... Правильно, дважды в одно болото – диагноз.

А за тысячу километров от проблем Ники жизнь ее родителей, слава богу, текла своим чередом.

Сборник стихов тиражом в триста штук еще носил запах типографской краски. Презентацию наметили на пятницу. Кто и что – распределили с вечера. Елена с утра в парикмахерскую. Илья – торты, цветы: «Начало в двенадцать, успеем...»

За ночь небо затяжелело. С рассветом подмороженный воздух заискрился алмазной россыпью, а после стал жонглировать мириадами снежинок. Прикрыв шарфом брызнувшие лаком волосы, Елена на маршрутке доехала до музейно-выставочного центра.

На стенах просторного зала обитало лето. Излюбленные пейзажи местных художников: сочная зелень долин, купающиеся в солнце подсолнухи, извилистые берега речки Чагры.

За легкой ширмой в правом углу просматривался во весь рост гипсовый, с немного поврежденным носом В.И. Ленин (по четвергам здесь собирались коммунисты). Посреди зала стулья в шесть рядов, старенький стол, прикрытый куском красного бархата.

– Ух, ты, выюга поднялась, – Илья прикрыл форточку, – Лен, да не волнуйся. Придут те, кому надо прийти.

Презентация сборника стихов проходила по обычной схеме. Избитая форма представления автора другим лицом. Как правило, растянутый монолог: вот он наш уже признанный или только начинающий. Родился в таком-то году... прошел такой-то жизненный путь. И какая это радость наблюдать за его творчеством, как говорится, описывать жизнь – особый талант голос подает. Об этом таланте надобно говорить. И так далее...

Вступительная часть подобного рода – пространная словесность растягивающая время, была Елене не по нутру. Прикрывая улыбкой растущую досаду, в этот раз она поставила-таки жирную точку: « Присядьте, дорогой Яков Моисеевич. Позвольте мне самой... »

От того что читатель вот он, рядом – бери его тепленьким – из глаз Елены шел свет, энергетика зашкаливала. Речь завела о самой сути стихотворчества. Мол, это один из самых действенных способов выращивания крыльев, удерживающих над пропастью повседневности. Говорила о радости состояния быть передатчиком... звеном в цепи, где Высшее работает с Низшим...

Но внимание зала кое-где начинало зевать. Верный признак перебора. Домашней заготовкой прорезались вопросы к автору: «А вы, какой веры? В церковь ходите? Вообще, кто вы по жизни?...»

Милые люди. С этим бы ей самой разобраться. В последнее время в извилинах мозга Елены не на шутку засела мысль: писательство кочует из жизни в жизнь. Яркое словесное творчество является опытом прошлых воплощений. Классно сочинять, одной жизни мало. Даже если жизнь – нагромождение событий...

Презентация набирала обороты. Желавшие получили книгу в подарок (покупали очень редко). Прослушав излияния автора, что-то там восторженно в ответ пролепетав, большинство настраивалось поскорее выпить и закусить! А у виновника торжества отламывалась рука, попробуй-ка, подпиши пару стопок книг, непременно с указанием имен. Дорогому Аркадию Аркадиевичу, дорогой Марье Ивановне... И – резало слух нерусское слово «презентация». Почему не день рождения книги? Зачали ее, выносили. Родилась, слава богу. По русскому обычаю нормально накрыли стол. Выпив по бокалу шампанского за здоровье новорожденной, неслабо закусили бутербродами, где колбаса соседствовала с сыром.

И пошел разноречей: восторженность пенсионерки Жариковой, учительницы русского языка: «...это классика, понимаете, шаг к Серебряному веку!.. » Потное рукопожатие начальника отдела культуры Плясунова с благодарственным письмом в деревянной рамке. Скрытая давняя его неприязнь прыснула фразой, обращенной к залу: « Все равно не понимаю, о чем она пишет... » Ухмылка поэта Путейкина (отучившись на двухгодичных курсах литинститута им. Горького, как-то в разговоре с Еленой о Мандельштаме на ее восхищение заявил,

что не любит еврейской поэзии). Жаркая защита литератора Сахарова. Чего, мол, непонятно?! Глубина налицо, а от выси дух захватывает. Да, кое-где надо с лупой в руках вчитываться. Так в этом весь смак!

Возражение кого-то со второго ряда, дескать, что это за поэзия, которую надо разжевывать. Проще писать надо, доступнее!

– А, по-вашему, мы должны питаться манной кашей?! Я за пищу для взрослых! – возмущенный голос молоденькой журналистки местной газеты.

Еще минут десять накала. После, ясное дело, опять выпивали, закусывали. Говорили о деньгах. О нищете людской зарплаты. (Спонсоров – раз-два и обчелся. Выпуская книгу, попробуй, – походи с протянутой рукой. И ведь не продашь, не просунешься на книжный рынок...) О счастье жить не в областном центре, где воздух – выхлопные газы, вода – только через фильтры. Ну, разве что путевое напишешь? Вот у нас, в райцентре, – сосновый бор, артезианская скважина... Потому пишем, пишем.

На посошок – чей-то чуть охрипший голос о роскошном букете цветов, подаренном Елене. Дескать, это безвкусица – соседство белоснежных лилий и бордовых роз. И кто-то в ответ: «Да ни хрена вы не понимаете. Авангард!..»

Вечером звонок из Новосибирска. Вот чувствовала Елена: рано расслабляться. За тысячи километров дочка своей семейной жизнью достанет! Звонил сын: «Мам, тут дела – зашибись...» Голос Юры шел с помехами, плохая связь, но суть Елена уловила. Родной брат не может гостить у сестры. Нет, оно понятно – уже третий раз... Так ведь приглашали! Мол, отпахал месяц на вахте и приезжай. Говорили: живи как дома, не спеша подыскивай квартиру, бери ипотеку. Зарабатываешь, слава богу, Газпром. Не нахлебником приезжаешь: холодильник затариваешь, денег подбрасываешь. Долги кое-какие гасим. За твой счет в клубах нередко отрываемся. Андрей, снова безработный, третий месяц как сократили. Вкальвает одна Ника: помощник судьи, с утра до ночи на работе. Свекор денежный кран перекрыл. Хотели самостоятельности – вперед, с песней!

Справедливости ради надо заметить – Роговцев старший против Юры ничего не имел. А вот Галина... желчью баба изливается – посторонний человек в доме, Андрюшу стесняет! Он ей, матери, жалуется: «... родственничек, как у себя дома. Сам сопляк еще, а нотации читает – жизни учит!..» И Галина не выдержав, нарушила полугодичное молчание: «Почему наша квартира стала гостиницей?! Найди жилье своему брату. Прекрати терроризировать моего сына! Как ты нас всех достала! Мерзавка! Оставалась бы жить со своими родителями...» На яростный выпад свекрови, Ника ответила хладнокровной мстостью. Несколько раз специально провоцировала мать Андрея на подобную мерзость словесного трепка. Записав на телефон, дала прослушать как мужу, так и свекру. Описывать последствие Никиной выходки – дурно-пахнущее дело (лай дворняжек, посаженных на цепь... пожелания друг другу не дай бог чего...). После скандала Ника с внематочной беременностью попала в гинекологию. Андрей сразу в тоску с рыбо-пивным запашком, да еще Юрка перекрыл кислород. Перестал брать в свою компанию: «...мам, понимаешь, после первой рюмки у него рот не закрывается. Поэт и политолог в одном флаконе – надевайте противогаз...»

Через пять дней Нику выписали из больницы. Придя домой, она устроила мужу грандиозную трепку. Выкрикивала в лицо, что он не поэт, а дармоед... ошалел от компьютерных игр. Прожигает время, валяясь с пультом у телевизора. От пива скоро грудь будет как у бабы. Анурез надо лечить. Сколько можно писать в постель?! Мол, на хрена ей такая жизнь, есть мужчины как мужчины...

Андрей, кровно обидевшись за поэта-дармоеда, ошарашенный нападками жены, скорей на электричку, в Сосновку. Заливать горе у бабки Клавы. На второй день, хорошо поддатый, своим звонком Веронике, выбил табуретку из-под ног семейных отношений: «... чтоб я приехал в свою квартиру, а вашего духа там не было! Вон пошли!..»

– Никуша! Как здоровье? Когда из больницы выписывают?

–Мам... да нормально, сегодня уже домой.

– А как вообще жизнь?..

– Без проблем (еще бы! любовник есть; с подружками, холостячками силиконово-грудастыми, в японском ресторане по пятницам зависала...).

– А как дети?

– В детсаду. Все живы, здоровы. Мам, меня зовут, ну пока, пока.

– Ну, пока...

И – хватай быка за рога – на следующий день:

–Мама! Андрей с ума сошел! Сейчас пьет в Сосновке, у бабки своей. Я тебе многое не говорила. Мам, он меня с детьми выгоняет! Сказал, завтра придет – чтоб духу нашего не было! И все, мам, из-за Юрки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.